

ИСТОРИЯ. ЭТНОЛОГИЯ

САРМАТСКАЯ САГА ТАДЕУША СУЛИМИРСКОГО

А.Л. Чибиров

В последнее время в европейской историографии вновь возникает интерес к сарматам, их истории, и культурному наследию. Загадочное племя сармат всегда будоражило воображение европейских исследователей, которые истории пытались определить культурно-преемственную связь между ираноязычными кочевниками, оставившими глубокий след в европейской культуре, и народами Европы. Отчасти это связано с тем, что некоторые европейские народы, особенно поляки, считают себя наследниками Великой Сарматии, которая, по сведениям античных авторов, располагалась на территории нынешней Восточной Европы. Впервые наиболее полную работу, посвященную сарматам и их наследию, написал польский исследователь Сулимирский. В книге под названием «Сарматы. Древний народ юга России» представлена вся яркая палитра истории этого народа, его наследия для истории Европы. На основе богатого фактологического материала автор, впервые в новейшей европейской истории, рассмотрел все этапы становления сармат как племенного объединения, начиная с их первого упоминания в исторических документах. Цель написания данной статьи заключается в критическом анализе книги Сулимирского с точки зрения основных постулатов советской и российской историографии.

Ключевые слова: Сарматы, Савроматы, Аланы, Языги, Аорсы, Сираки, Сулимирский, Бахрах.

These days in the European historiography there is a renewed interest in Sarmatians, their history and cultural heritage. Mysterious tribes of Sarmatians, who left their mark in European culture, always stirred imagination of European researches, who attempted to define cultural and ethnic continuity between the Iranian-speaking Nomads and European nations. This is partly due to the fact that some European peoples, especially the Poles, consider themselves to be the successors of Great Sarmatia, which, according to authors of the Antiquity, was located in the territory of what is now Eastern Europe. The first to write the most complete work on Sarmatians and their heritage was a Polish researcher T. Sulimirski. In the book titled «The Sarmatians» the whole bright palette of history of these peoples, their heritage in the history of Europe were presented. For the first time in the modern European history on the basis of the rich factual material the author investigated all stages of Sarmatian's organization as of a tribal community, starting with the first records about them in the historical chronicles. The present article dwells upon a critical analysis of T. Sulimirski's book in terms of the main tenets of the Soviet and Russian historiography.

Keywords: Sarmatians, Sauromatians, Alans, Iazyges, Aorsi, Siraks, Sulimirski, Bachrach.

Среди зарубежных исследователей наиболее ценную обобщающую работу по истории сармат написал польский археолог Тадеуш Сулимирский (1898-1983). Книга, под названием «Сарматы. Древний народ юга России», была издана на

английском языке в Вашингтоне в 1970 г. Параллельно с этим она вышла в томе 13 известной серии научно-популярных изданий «Древние люди и территории» (Лондон 1970). Перевод книги на русский язык был осуществлен в 2010 г. К

сожалению, других работ ученого на эту тему нам обнаружить не удалось. В последнее время тема сарматского наследия в Европе становится актуальной. Помимо Сулимирского этой теме касался и другой известный польский археолог, профессор Торуньского университета Мариуш Мельчарек. Краткую, но емкую работу *The Sarmatians, 600 BC-AD 450*, написанную в соавторстве с польским медиевистом Р. Бжезинским, он издал в известной английской серии *Men-at-Arms. Oxford, 2002*, опубликовал российский историк А.К. Нефедкин [1]. В последнее время появились работы таких исследователей, как Reinhard Schmoeckel «Sarmaten: Unbekannte Vater Europas» [2], Eszter Istvanovits, Valeria Kulcsar «Sarmatians – History and Archaeology of a Forgotten People» [3], и т.д.

Прежде чем коснуться самого исследования Сулимирского, стоит отметить причины столь явного интереса польских исследователей к сарматам и Сарматии. В XVI-XIX вв. в Речи Посполитой, предтече современной Польши, начала доминировать идеология так называемого сарматизма, которая возводила польских шляхтичей к древним сарматам. Тем самым проводилась некая полоса отчуждения между шляхтой, которая позиционировала себя как сословие воюющих господ и простолюдинами, в основном славянами и литовцами. Античные авторы (Птолемей «География») определяли Сарматия в Восточной Европе, к востоку от Германии, а точнее между реками Висла и Волга. Балтийское море называлось Сарматским морем, а Карпаты – Сарматскими горами. Более того, сармат, и алан было принято считать родоначальниками европейского рыцарства. В XV в. европейцы активно занимались поиском своих исторических корней, и в этом контексте польские шляхтичи упорно доказывали свое происхождение от сарматов. В целом же

интерес польских исследователей, писателей, историков, к сарматам и Сарматии насчитывает не один век. Принято считать, что впервые о сарматизме заговорил польский историк, автор «Истории Польши» в 12 томах, Ян Длугош (1415-1480), который писал: «Древними же писателями и историками [эта страна] называется Европейской Сарматией, и как русские, так и поляки именуется сарматами».

И все же наиболее полноценное исследование по сарматам предпринял доцент Львовского университета Тадеуш Сулимирский. Кстати, и он в какой-то мере был подвержен идее сарматизма, что проявилось в следующем. Так, покинув в 1939 г. Польшу в связи с началом Второй Мировой войны, Сулимирский, в 1941 г. становится генеральным секретарем Министерства образования польского правительства в изгнании, которое располагалось в Великобритании. В этой должности Сулимирский написал ряд пропагандистских статей, в которых призывал аннексировать в пользу Польши ряд территорий Германии, лежащих к востоку от реки Одер. Основанием же, по мнению Сулимирского служило то, что в средние века эти земли принадлежали Польше, и были частью ее государственности. И, тем не менее, на ценность и актуальность фундаментальной работы Тадеуша Сулимирского «Сарматы. Древний народ юга России» сарматизм его автора несколько не влияет. Более того, дополняет его легким оттенком некоего средневекового польского романтизма.

В чем же заключается особенность книги Сулимирского? Это было первое для своего времени, хотя и небольшое по объему (189 страниц, 10,2 авторских листа), но весьма ценное и обстоятельное научное исследование, посвященное сарматам, написанное европейским исследователем. При этом автор, используя

термин «сарматы» подчеркивает, что подразумевает под этим названием также и алан [4,7].

Основными источниками, которыми руководствовался Сулимирский при написании этого труда, были археологические артефакты, хранившиеся в музеях Советского Союза, Румынии, Венгрии, Австрии, Германии, Франции и, разумеется, Польши, а также довольно богатые материалы, которые содержатся в античных и византийских письменных источниках и сведениях средневековых авторов о сарматах. Крайне плодотворными оказались также беседы Сулимирского «с выдающимися авторитетами в области сармато-аланской археологии названных стран» [4,9]. В своей работе Сулимирский поставил перед собой непростую задачу. Согласно его замыслу, книга должна была реконструировать сложную, полную драматизма историю сарматских племен начиная с первого в истории упоминания о них, вплоть до конца сармато-аланской эпохи, их роль в становлении и формировании современных славянских народов, а также беспрецедентное влияние на культуру и искусство как Восточной, так и Западной Европы. В связи с этим Сулимирский отмечает, что «сарматы были “варварским” народом, но они внесли немалый вклад в развитие роскошного сармато-боспорского искусства и наследовавшей ему «готской» традиции, которая позднее легла в основу многих течений в искусстве средневековой Западной Европы, – меровингского, англосакского, романского. Но и тут их роль обычно обходят молчанием» [4,185].

Внушительный пласт исторической литературы, посвященный ранней и средневековой истории Восточной Европы, упоминает о роли и значении сарматских племен лишь вскользь, не особо анализируя процессы, в которые они были вовлечены. В заключительной главе своей книги автор сетует на то, что «есть

нечто печальное в судьбе сарматов, чью пеструю историю мы вкратце проследили. В разные исторические эпохи эти народы побывали почти во всех странах Западной Европы, а на Востоке дошли до самого Китая. Потомки тех, кто прибыл в Англию в 175 году н.э., вероятно, до сих пор живут в этой стране. Сарматскую историю трудно отделить от истории многих других народов и стран, поскольку в течение многих веков вся Восточная Европа была их вотчиной и носила название Сарматия. Теперь они почти забыты. В современном мире мало что напоминает об их существовании – осетины, названия нескольких славянских народов, слова сарматского происхождения в славянских языках, топонимы в Восточной Европе, элементы польской геральдики (отмененной в 1920 г.), смутные традиции сарматского происхождения, все еще сохранившееся у части польского дворянства, и множество археологических памятников. Вот и все. Роль, которую они сыграли в формировании различных славянских народов, низведена почти до нуля более поздней экспансией кочевников с Востока – авар, болгар, и мадьяр, не дошедших до Западной Европы» [4,185].

Монография Сулимирского предлагает читателю ряд интересных предположений, которые придают книге некую уникальность. Говоря о цели написания работы, автор отмечает, что данная книга является первой попыткой «системного описания сарматов, на поздних этапах своей истории более известных под именем аланы» [4,7]. Помимо прочего в книге рассматриваются все сарматские племена в совокупности, вся история сарматского мира с охватом огромной территории от берегов Китая до Атлантического побережья. Сулимирским была предпринята первая, и наиболее удачная на сегодняшний день попытка рассмотреть историю сармат в подобном временном и географическом разрезе. «История сарматов –

аланов, – пишет автор, – охватывающая более тысячелетия, развивалась на обширных пространствах протяженностью более 3 тысяч миль – от Алтая и Сибири на Востоке до Карпатских гор на западе, а если рассматривать также историю отколовшихся от них групп, то территорию их обитания протянется на запад до Франции, Испании и Британских островов и на восток до Восточно-Китайского моря» [4, 7].

Автор не сомневается в восточном происхождении сармат. Он подробно исследует тот период их истории, который связан с востоком, а также обстоятельства, побудившие сармат мигрировать на запад, «подталкивая друг друга в спину и, в свою очередь, испытывая давление наседавших сзади, пока не дошли до стен Рима и не раскололись на множество еще более смешанных вихрей и встречных потоков» [4, 7-8].

Хочется отметить общую структуру книги. Ее научная канва, доступность изложения и структурная целостность позволяют легко осилить труд, как специалисту, так и рядовому читателю. Поставив во главу угла принцип хронологической последовательности, автор делит историю сармат на начало сарматской эры, за которой следуют ранний, средний и поздний периоды. Работа завершается главой посвященной аланам. По мнению Сулимирского, такое «деление на периоды основано на изменении условий и эволюционных тенденциях в ядре древней сарматской цивилизации – степях низовьев Волги, вызванных историческими событиями в степных областях Азии, расположенных далее к востоку» [4,8].

Монография начинается с общей характеристики сарматов, их обычаев, описание общественного строя, религиозных представлений и т.д. В ранний период своей истории сарматы жили в южном Урале и в степях к востоку от р. Урал. Однако Геродот, Гиппократ, Страбон и

другие древние авторы фиксируют сарматов уже в районе Азовского моря и р. Дон. Сходства археологических находок степных районов от Казахстана до Алтайских гор и Центральной Азии с предметами сарматской культуры позволили автору заключить, что «эти области были населены народами, тесно связанными с сарматами» [4, 11]. Этногенез сармат у Сулимирского не вызывает вопросов. Согласно ему, сарматы наряду с саками являются скифской ветвью ираноязычной группы индоевропейских народов, «ближайшими родственниками мидийцев, парфян и персов. Их язык родственен древнему языку Авесты (по крайней мере, язык описанных Геродотом савроматов) и считался диалектом скифского языка, причем более архаичным, чем сам язык» [4, 12].

Автор заостряет внимание на разобщенности сарматских племен: Они «никогда не были единым народом и состояли из нескольких племен, в той или иной степени отличавшихся друг от друга и чьи названия мы находим у историков древности». Одним из факторов разобщенности сарматских племен Сулимирский считает то, что каждая из этих групп говорила на своем собственном диалекте. В этом же контексте ученый упоминает осетинский язык: «Но язык осетин, проживавших на Кавказе, произошел от древнего сармато-аланского диалекта и его можно считать современным сарматским языком» [4, 13].

Для некоторых ученых, до сих пор остается спорным соотношение друг к другу этнонимов «сармат» и «алан». Ряд ученых считает алан народом, отличным от сармат, хотя и родственным по происхождению. По мнению же Сулимирского, первые сарматские народности известны по древним источникам под именем «сарматаи». Имя это распространилось на всю группу родственных племен и народностей, самыми могущественными из

которых были, вероятно, аланы, чье имя впоследствии вытеснило более древний термин «сарматы» [4,13]. В подобном контексте вполне логично, что в монографии, рассказывающей о сарматах-аланах, есть завершающая глава, озаглавленная как «Аланы». Что же касается перечня основных сарматских племен, то автор вслед за советскими сарматологами причисляет к ним массагетов, роксолан, алан и аорсов. Однако в отличие от советских ученых Сулимирский относит к сарматским племенам еще и антов. Сулимирский считает, что сарматы были номадами, экономика которых была основана на скотоводстве. При этом особое развитие у них получило коневодство: лошадь для сармат предназначалась не только для верховой езды, но давала мясо, молоко, кожу. Сулимирский фиксирует в быту сармат практику сезонных миграции. Согласно ему зиму они проводили в районе Азовского моря, лето же в степных равнинах, в районе между Волгой и Уралом, а также в Казахстане. Со ссылкой на Страбона Сулимирский отмечается также отращивание к земледелию, и описывается жизнь «в обитых войлоком повозках, в которые запрягали волов». Ссылаясь на А. Марцеллина и других древних авторов Сулимирский находит много общего в быте сармато-алан с образом жизни и бытом скифских племен.

Ученый отмечает определенное различие в устройстве оружия у сармат, саков, скифов, заостряет внимание на том, какое большое внимание придавали сарматы обучению юношей верховой езде, и джигитовке. Как отмечено в книге, на начальной стадии своей истории сарматский воин сражался луком, будь он в пешем строю или верхом на лошади. Их вооружение кроме короткого лука составляли железный меч – акинак, который был длиннее скифского, достигая иногда 130 см. в длину, реже – легкие копья и боевые топоры. Однако со време-

нем, приблизительно во II в. до н.э., боевая концепция меняется, и на передний план вместо вооруженного лучника выходит кавалерия, облаченная в тяжелую броню – т.н. катафрактарии – военная традиция, истоки которой находились на Востоке. Вслед за ассирийцами вполне успешно стали использовать бронированную кавалерию персы, массагеты и хорезмийцы. Главным оружием сармат стали тяжелые длинные копья с железными наконечниками и длинные мечи с деревянными ручками. Страбон писал, что их мечи были «огромных размеров, так что держать их приходилось обеими руками» [4,18]. Согласно некоторым мнениям сарматские катафрактарии прикрепляли к стремянам и конской броне копья. То есть боевые кони наносили удары копьем, прорывали ряды обороняющихся, а всадники наносили рубящие удары. Престиж сарматского воина в Античную эпоху поднялся на небывалую высоту. «Благодаря сарматам подобная тактика получила распространение в Восточной и Центральной Европе, и даже римляне были вынуждены оснастить некоторые части подобным образом» [4,19]. О сарматах, зачинателях средневековой рыцарской традиции впоследствии писал и известный итальянский ученый Франко Кардини в своей работе «Истоки средневекового рыцарства»: «Тяжеловооруженный конный воин одержал победу на Иранском нагорье и в долинах Балкан. Его влияние ощущается даже в римской армии, противостоящей ему», пишет Кардини, и далее, со ссылкой на Буркхардта, продолжает: «Образ этих персидских воинов, закованных в латы, с перьями в шлемах, вооруженных копьем и мечом, восседающих на великолепно украшенных конях, во всем напоминает образ их собратьев, наших средневековых рыцарей» [5, 61]. И здесь, ввиду явных параллелей невозможно пройти мимо цитаты Тацита, на которого ссылается

Сулимирский: «Согласно Тациту, поодиночке сарматы не проявляли особенной храбрости, и их пешие воины сражались плохо, но противостоять их отрядам вооруженной кавалерии было очень трудно. Однако он подчеркивает, что на льду и мокрой земле их длинные копья и мечи оказывались практически бесполезны, поскольку лошади скользили и падали под тяжестью брони. Страбон замечает, что их броня была хоть и непробиваемой, но такой громоздкой, что «те, кто падал в сражении, уже не мог больше подняться» [4, 20]. При всей нелюбимости цитаты сарматские катафрактары, также как впоследствии и рыцари средневековья были беспомощны и неповоротливы вне своей закованной в латы лошади.

Описывая общественный строй сарматов, Сулимирский находит в нем очень много общего со скифским миром. Вместе с тем в погребальном инвентаре сарматов ученый обнаружил достаточное количество артефактов не похожих на скифские. Ученый объясняет это постоянной миграцией, влиянием племен, с которыми сарматы входили в контакт, а то и перемешивались, а также иными обстоятельствами. Вслед за другими сарматологами, Сулимирский подтверждает ведущее положение женщины в сарматском обществе, наличие ярких пережитков матриархата в их быту. Ученый отмечает широкую распространенность культа солнца-огня, веру сарматов в очищающую силу последнего, хотя в целом религиозный мир сарматов представлен лишь схематично. Отмечается, что в первых веках нашей эры «среди сарматов, преимущественно аланов, получил распространение зороастризм» [4,23].

В ходе изложения материала Сулимирский проводит некоторые скифо-сарматские параллели. Среди известных обычаев сармато-аланов, опять-таки со ссылкой на А. Марцеллина, он упоминает гадание на ивовых прутьях, поклонение

железному мечу, традицию искусственной деформации черепа, веру в загробную жизнь и связанные с ней погребальные обычаи. При этом, подчеркивает автор, подобно скифам, сармат в загробный мир «должны были сопровождать их жены, а в более поздний период у некоторых племен вождям должны были прислуживать рабы, которых приносили в жертву на их могилах» [4, 26]. Отмечая относительно слабую изученность раннего периода истории сарматов, ученый констатирует, что сарматологов интересовали сарматы лишь начиная с III в. до н.э., и то, только в связи с вторжением в Скифию. Согласно периодизации Сулимирского ранний период сарматской истории охватывает время VI-V вв. до н.э. и известен на западе и в степях от Волги до Урала как «савроматский период» и как период «ранних кочевников».

В своем исследовании Сулимирский устанавливает две ветви сарматов на востоке: те группы, которые занимали степи в районе нижней Волги и сарматы занимавшие территории между нижней Волгой и южным Уралом. Далее он отмечает, что к востоку от савроматов (как называл ранних сарматов Геродот), на бескрайних просторах Казахстана и северной части Центральной Азии жили несколько схожие народы и племена, известные под названием «восточные скифы». Данное обстоятельство позволило автору рассматривать протяженность сарматской культуры на обширной территории от Алтая до Волги [4, 27]. Принадлежность проживавших на этом большом пространстве народов к единой сарматской культуре в монографии доказывается на основе анализа богатых археологических погребений, извлеченного из могильников инвентаря, оружия, гончарных изделий, утвари, предметов быта, что позволило автору утверждать, что на территории проживания савроматов произошло слияние срубной культуры и андроновской

в единую савроматскую культуру. Именно из этого конгломерата скифо-сарматских племен, сформировались и первые переселенцы на запад, вышеупомянутые «ранние кочевники».

В ранний сарматский период уже известны были скифы, родственные им племена саков, и конечно же сакские племена массагеты, проживавшие в Центральной Азии. В книге впервые упоминаются протосарматские племена – исседоны, которых автор отождествляет с предками асов-ясов-аорсов. Эта версия не получила поддержки коллег Сулимирского. Они считали, что более близко к исседонам стоят кочевые племена индоевропейского происхождения, которых называли асиане, асии, упоминаемые в китайских источниках как усунь (ву-сун), или ари-маспы, и которые говорили на тохарском языке [4,52].

Среди племен VI-V вв. до н.э. Сулимирский упоминает и неираноязычных агрипеев, которые добывали и перерабатывали золото для пазырыкских вождей (для них оно было основным источником богатства), чтобы пользоваться их покровительством.

Тогда же (IV-III вв. до н.э.) в Центральной Азии происходят глобальные политические процессы (ослабление могущества Ахменидов, завоевание Александром Македонским Бактрии и Согдианы), которые отразились и на сарматах. Одному из сарматских племен – массагетам – удалось создать крупный политический союз, который оказал заметное культурное влияние на соседние народы. IV столетие до н.э. способствовало преобразованию савроматской культуры в некую новую общность, получившую название «прохоровская» (по названию комплекса курганов в Прохоровке близ Оренбурга). Анализ инвентаря, извлеченного из этого захоронения, дал возможность ученому говорить о прочных связях между Центральной Азией и вос-

точной ветвью сарматской культуры. Кроме того, по мере становления и укрепления власти носителей прохоровской культуры местные сарматские племена отступали на юг и на запад, где вступили в контакты с экономически и политически мощным Боспорским царством. При этом сармато-боспорские торговые и иные отношения и контакты в других направлениях были такими тесными, что способствовали сарматизации боспорского общества.

В ранний сарматский период на историческую арену выходит одно из самых известных сарматских племен – сираки. Под давлением носителей прохоровской культуры сираки покинули низовья Дона и, уйдя на запад, обосновались на границе с Боспором. Сулимирский рассказывает и о том, как сираки вмешивались во внутренние политические дразги Боспорского царства, не всегда приносившие им какие-либо дивиденды. По утверждению автора, другая группа сираков, «осевшая в степях северо-восточных предгорий Кавказа, изначально была народом савроматской культуры, перенявшим многие черты прохоровской, вероятно, от пришельцев, которых они приняли к себе» [4,84].

Рубеж IV-V вв. до н.э. стал переломным в судьбе, как сармат, так и скифов. Речь идет о вторжении сармат в Скифию. Эту часть сарматов Сулимирский также называет «царскими скифами», аргументируя название следующим: «Титул “царские” был, очевидно, присвоен тем сарматам, что захватили власть в племенах древней Скифии, ранее принадлежавшую “царским скифам” раннего скифского периода (VI-V вв. до н.э.)» [4,84]. Скорее всего, и это положение требует дополнительного изучения, хотя и может быть допустимым, поскольку различие между савроматами и скифами было совсем несущественным.

Во второй половине III – начале II

вв. до н.э. Великая Скифия прекратила свое существование. «Под давлением родственных сарматских племен, пишет Сулимирский, обитавших к востоку от Дона, а именно роксоланов, скифо-сарматские правители оставили территорию к востоку от Днепра. Некоторые из их подданных отступили на запад, но их главным убежищем стал Крым. Там возникла страна, известная теперь как Тавроскифия, или Крымское царство скифов. Население нового царства состояло из скифов, сарматов и тавров, с примесью греческих элементов... Теперь роксаланы стали главной силой в Северном Причерноморье» [4,96].

В отличие от предыдущего периода истории сармат с охватом в два столетия (отмеченные как относительно спокойные), вторая половина II в. до н.э. по середине I в. н.э., так называемый среднесарматский период характеризуется постоянными миграциями племен и межплеменными войнами. Начало им положили продвинувшиеся на запад гуннские племена. Последние сначала нанесли поражение ираноязычным племенам за Каспием, известным в китайских источниках под названием юэ-чжи и ву-сун (усуни), а вслед за ними сакам и массагетам. Как пишет Сулимирский «Победа гуннов и особенно поражение массагетов положили начало массовому исходу ираноязычных кочевников из степей Казахстана и Центральной Азии. Этот процесс занял более пяти веков и продолжался вплоть до IV века н.э.» [4,99].

В среднесарматский период на историческую арену выходит многочисленное племя аорсов. Аорсы появились в низовьях Волги на южном Урале, которая была заселена ираноязычными племенами, представителями той самой прохоровской культуры. Характеризуя аорсов, Сулимирский считает происхождение их самоназвания от иранского слова «белый». Помимо этого он отыскал в языках

древних народов другое значение слова «аорс» – западный – и переводит его как «западные аланы». В этом вопросе мы позволим себе не согласиться с уважаемым автором. В научных кругах неоспоримо доказано происхождение этнонима аорсы, которое переводится как белые аланы, точно так же, как роксоланы (рокс – рухс – светлый) обозначают светлых алан. Существование близкого родства аорсов с аланами, наряду с Сулимирским подтверждают и другие ученые. Углубляясь в вопросы генезиса сарматских племен, автор называет аорсов прямыми потомками представителей андроновской культуры, а сарматов, языгов и, вероятно, роксоланов – берущими начало уже от срубной культуры [4,101]. Не расходятся суждения Сулимирского с другими сарматологами и относительно численности и могущества аорских племен, наличия у них 200 тысячного конного войска, и активной внешнеполитической деятельности начиная с конца I в. до н.э. вплоть до первой половины I в. н.э.

Значимый след оставило в истории древнего мира и другое сармато-аланское племя сираков, которое сформировалось в IV в. до н.э. Культурно и территориально сираки были очень близки с аорсами, которым они значительно уступали в мощи и численности. Сираки жили по соседству с Боспорским царством и часто оказывались вовлеченными в их политические интриги. В истории сохранились сведения о противостоянии этих родственных племен в войне 49 г., когда в войне между Римом и Боспорским царством, аорсы приняли сторону Рима, а сираки встали рядом с Боспорским царем Митридатом. Здесь же хочется подчеркнуть весьма активное слияние сарматских племен сираков с боспорцами и Боспорским царством. Взаимодействие это было настолько сильным, что по признанию Сулимирского «сираки стали самым эллинизированным сарматским

народом и одновременно с тем активно способствовали сарматизации Боспорского царства» [4,108].

Наряду с аорсами и сираками в монографии достаточно подробно представлены два других крупных сарматских племени – языги и роксоланы. К востоку от Азовского моря располагались языги, а за ними простирались земли роксолан. Последние, испытав давление аорсов, переселились в степи Северного Причерноморья, поближе к границам Скифии. Автор рассказывает о сложных политических взаимоотношениях между римскими властями, фракийским племенем даков и этими двумя сарматскими племенами, которые доставляли и римлянам и дакам немало хлопот.

Крушение Великой Скифии автор связывает с племенем роксолан. Между тем, хотя Великая Скифия и сошла с исторической арены, ее наследница Крымская Скифия просуществовала еще много веков. Под ударами роксолан скифы покинули свою столицу в низовьях Дона, так называемое Каменное городище, и перенесли царский престол в Крым, где царь Скирул, на месте прежней скифской крепости, недалеко от современного Симферополя, основал свою новую столицу – Неаполь Скифский. Город стал коммерческим, культурным и политическим центром Скифии [4,115], а крымские скифы усилились до такой степени, что в определенный период истории Боспорское царство платило им дань золотом.

Продвижение сарматских племен на запад проходило в два крупных этапа: в IV в. до н.э. и с III по I вв. до н.э. В массовом передвижении сарматских племен на запад решающую роль сыграл в первую очередь натиск гуннских племен. Ученый называет первые два столетия новой эры относительно спокойными для юга России, которые были названы им эпохой процветания Боспорского царства.

В позднесарматский период (середина

I в. – IV вв. н.э.) на историческую арену выходят аланы. Все исследователи едины во мнении, что после Боспорской войны 49 г. н.э., постепенно с исторической сцены сходят этнонимы аорсы и сираки. Народы эти поглощаются еще одной конфедерацией сарматских племен – аланы. Со ссылкой на китайскую хронику династии Поздней Хань (26-211 гг.) Сулимирский пишет, что аорсы (антсай китайских источников) взяли себе новое имя аллан-ай (аланы), что по его предположению свидетельствовало о том, что они потеряли главенствующее положение среди восточных сарматов, уступив его аланам [4,126]. Под натиском продвигавшихся на запад алан, аорсы уступили им свои земли в низовьях Волги, и постепенно растворились в новой реальности. Птолемей упоминает об «аланорсах», вполне возможно о смешанном союзе алан и аорсов. Аланы же в ходе экспансии расширили свои владения к западу от Волги, и распространили свое имя на ослабевших сираков и другие племена. В тех местах, где ранее обитали сираки и аорсы, отныне размещаются одни аланы [6,19].

Много внимания в работе Сулимирского политическим потрясениям, последовавшим в начале III в., когда остготы двинулись с севера на юг. Остготы заняли всю степную полосу юга России, покорили Ольвию, Боспор, вследствие чего их культура «приобрела множество сарматских черт» [4,147]. Под давлением остготов сармато-аланские племена отошли на юг и на запад, проникли в Восточную Валахию и Бессарабию, Молдавию, Центральную Польшу, Восточную Германию, Словакию. В каждой из перечисленных стран Восточной Европы, сармато-аланы оставили значительный след в культуре и общественной жизни народов, населяющих эти территории. Сулимирский впервые выявляет последствия пребывания сармато-алан на территории Польши. Согласно заключениям Сулимирского, хорва-

ты первоначально были сарматским народом [4,147]. Подтверждением нахождения алан в районе Бессарабии, Восточной Валахии и Молдавии, а так же того, что аланы полностью подчинили себе местное гетское население, служит тот факт, что авторы того времени называют эти земли Аланией, а название главной реки региона, реки Прут, в те времена звучала как «Аланская река» (*Alanus fluvius*). Сулимирский заключает: «Множество топонимов с корнем «яс», включая крупный молдавский город Яссы, заставляет предположить, что это была ветвь восточных аланов – аорсы, ясы или птолемеевские асайи» [4,178]. Он также отождествляет их с антами, которые в источниках IV-VI вв. к тому времени в результате ассимиляции стали известны как славянский, а не сарматский народ. Еще одну «Аланию» Сулимирский «расположил» в Крыму. «Небольшие аланские сообщества на побережье Черного моря, в районе Херсона, отмечаются в XIII веке. Другие небольшие группы аланов, искавшие убежища в Крыму и частично слившиеся с готами, упоминаются даже в конце XVII века, когда они все еще сохраняли обычай деформации черепа. Скорее всего, они жили преимущественно на южном берегу. Известно, что к 1240 году аланы уже приняли христианство, и епископом Аланским был Федор. В XIV веке район между Феодосией и Алуштой носил название Алания, и архиепископ Херсонский, так же как и архиепископ Готский, считал его частью своих епархий» [4,179].

Ученый ввел в научный оборот новые исторические источники, такие, как Лангобардская хроника VI в. (*Origo Gentis Langobardorum*), на основе которых утверждает, что аланскими антами на территории нынешних Силезии и Малой Польши, было образовано государство под названием Королевство аланских антов. И хотя это государство просуществовало всего лишь до нашествия гун-

нов из Венгрии в V в., «Тем не менее, древние сарматские традиции сохранялись в Польше еще в течение долгого времени. Вера в сарматское происхождение поляков была широко распространена среди польского дворянства» [4,150].

Последние главы книги рассказывают о памятниках сарматской культуры в Молдавии и Бессарабии, о роксоланах на Дунае, о судьбе сарматского племени языгов из Нижнего Поволжья, где они жили в среднесарматский период до расселения их на Венгерской равнине и в Восточной Словакии. Ученый подробно исследует длительную оторванность языгов от своих соплеменников и последствия этого обособления. «Языги, которых римляне именовали «сарматами» оставались на Венгерской равнине в течение 450 лет и, поскольку они были изолированы от своих родичей, живших в Северном Причерноморье, их история имеет мало общего с другими сарматами, оставшимися на востоке. Главным связующим звеном между двумя группами были роксаланы и аланы, которые, отойдя на восток после ряда крупных конфликтов на Украине, перешли через Карпаты и присоединились к языгам» [4,157]. В позднесарматский период особое внимание привлекли к себе роксаланы, которые продвинулись вглубь Европы до бассейна Дуная, однако, под давлением остготов, они были вынуждены покинуть территорию Румынии и обосновались в Мезии и Венгрии. О судьбе сарматских племен на территории Венгрии, Сулимирский рассказывает подробно, начиная с поражения языгов в очередной войне с Римом и как следствие отправки части плененной конницы (5500 всадников) на Британские острова для защиты Адрианова вала, и заканчивая вооруженным столкновением вестготов и языгов. «Таким образом, в работе, написанной через двадцать лет после появления языгов на Венгерской равнине, автор фиксирует ситуацию, сложившуюся

юся к тому моменту в тех областях, хотя и оставляет старое название Скифия (Scythae) для причерноморских земель, в которых сарматы сменили скифов за несколько веков до этого» [4,155]. Описание этих событий завершаются 430 г., что совпадает со временем нашествия гуннов, и концом позднесарматского периода.

С I по IV вв. существенную роль в исторических событиях той эпохи сыграли выделившиеся из сарматской конфедерации племя алан. Однако на этом история сарматов не завершается. Именно с аланами связана последующая история всех сарматских племен, завершившаяся разгромом Тимуром Алании в XIV в. Первыми из сарматских народов с гуннами столкнулись именно аланы, которые перед вторжением завоевателей в основном еще населяли Азию. «Во II и III вв. н.э. гунны уже захватили древнюю родину сарматов в Азии и теперь стали хозяевами на последних оставшихся сарматских землях. Часть живших там восточных аланов отступила на запад, другие искали прибежища на Кавказе, но большинство было захвачено гуннами, которые впоследствии увлекли их за собой в Центральную Европу» [4,166]. Последствия гуннских нашествий оказались катастрофическими для сарматских племен. «В сущности это был конец существования сарматов как отдельного народа. У разделенных на мелкие группы и разбросанных по разным регионам сарматов не было возможности сохранить свою национальную самобытность, и им суждено было раствориться либо среди последующих завоевателей, либо среди покоренных народов тех стран, куда они отступили» [4,168].

Опираясь на археологические артефакты, Сулимирский устанавливает «аланское происхождение около десятка богато обставленных «княжеских» захоронений и могил, где похоронены женщины в золотых коронах с полудра-

гоценными камнями или цветным стеклом. Они разбросаны на огромных пространствах от Казахстана (Боровое) до Венгрии (Чорна) и Польши (Якушовице, Ендрыховице)» [4,178]. Заключительную часть книги, Сулимирский посвящает той части алан, которая под давлением гуннов ушла на Кавказ. Не видим необходимости в подробном изложении известных фактов истории кавказских алан, приведем лишь заключительную ремарку автора. Сулимирский пишет: «Их современные потомки-осетины, небольшой народ, живущий в предгорьях Кавказа – единственные люди, до сих пор говорящие на языке, когда-то многочисленных и могущественных сарматов, хотя и сильно измененном» [4,180].

В целом монография Сулимирского «Сарматы...» была встречена научным сообществом с одобрением, ибо впервые посредством ее западноевропейские интересанты получили достоверные сведения об этом многочисленном и во многом загадочном племени, которое вышло из евразийских степей. Основные постулаты книги не противоречат устоявшимся в науке положениям. Откликнувшийся на книгу Сулимирского Б. Бахрах указывал лишь на слишком краткое изложение истории пребывания алан в Западной Европе [7,168], и на неверность отождествления массагетов и алан, о котором мы говорили выше.

Определенное неудобство доставляет научно-популярный характер издания и отсутствие в издании научного аппарата и указания использованной литературы, что не позволяет проверить достоверность некоторых положений. Далее. Сулимирский считал, что вторгшиеся на территорию Скифии сарматы (племена савроматской культуры) смешались с местными скифами. По мнению Сулимирского, количество сарматов в Скифии к началу IV в. до н.э., оказалось настолько велико, что позволило автору назы-

вать жителей Скифии скифо-сарматами [4,87-88]. Появление нового сарматского элемента в Скифии Сулимирский связывает с проникновением носителей прохоровской культуры, которыми были собственно сарматские племена, пришедшие с востока. Хотя автор ссылается на данные археологии, тем не менее, большинству ученых кажутся преувеличенным численность вторгшихся к началу IV в. в Скифию сарматских племен. В частности, Сулимирскому возражает крупнейший советский сарматолог К.Ф. Смирнов. Он пишет: «Основным населением степного Приднепровья в IV-нач. III в. до н.э. были скифы. Присутствие в их среде или непосредственно по соседству отдельных родоплеменных групп савромато-сарматского населения еще не дает право называть кочевников Северного Причерноморья этого времени скифо-сарматами, как это делает Сулимирский» [8,123]. Между тем, по мнению М.И. Ростовцева, политическое господство сарматов на территории Скифии во второй половине III в до н.э., прежде всего, связано с новой волной миграции с востока [9,11]. С этого времени, скифы и сарматы превращаются в две основные противоборствующие силы Северного Причерноморья [8,65].

Камнем преткновения для всех ученых, занимавшихся ранней историей юга России, остается вопрос этногенеза антов. Впервые этноним «ант» был зафиксирован в одной из керченских надписей III в.н.э. [10, 639]. Между тем, судя по трудам многих ученых специалистов, ранняя история антов теснейшим образом переплетена с сарматскими племенами, которые в рассматриваемый период были наиболее известными на юге России. Об этом подробно пишет Г.В. Вернадский, который считал, что, как этноним «ант», так и верхушка антского племени, являлись носителями исключительно сарматского происхождения. В историю происхождения антов еще глубже попытался

вникнуть Сулимирский. Наряду с языгами, роксоланами, сираками и аорсами, он считал антов сарматским племенем, и ставил знак равенства между этнонимами «анты» и «ясы». Он также считал антов – позднейшим аланским племенем. Соглашаясь с Иорданом, определявших антов как славянский народ, Сулимирский отмечает, что «это не противоречит идентификации антов как аланов (асов): сарматы, очевидно, образовывали на данной территории правящий класс, который постепенно славянизировался. Этот процесс, вероятно, завершился не ранее VI в., хотя многие сарматские традиции сохранились» [4,178]. Эту же мысль Сулимирский повторяет во время отождествления сарматских ясов «с антами, чье присутствие в регионе подтверждается письменными источниками IV в.; они оставались здесь вплоть до VI века, хотя к тому времени в результате ассимиляции стали известны как славяне, а не сарматский народ» [4,148]. Вряд ли автор без должного основания мог отождествлять западных алан (аорсов) с антами [4,140,149]. О сильном сарматском влиянии на Восточную Европу свидетельствуют и другие источники. Полагаем, что не без основания большинство римских авторов называли Сарматией, земли на которых проживали славяне [11,704]. В известном труде Клавдия Птолемея «Руководство по географии», составленном в 160-180 гг., границы ираноязычных племен были сдвинуты «к Висле и растянули Сарматия так, что она включала всю Центральную и Восточную Европу» [7,156]. Птолемей размещает венедов (тех же антов) среди племен Европейской Сарматии. Как пишет Третьяков, в Пейтингеровых таблицах (*Tabula Peutingeriana* – пергаментная копия с древней римской карты, сделанная в XIII в.) венеды и сарматы проходят как одно племя [10,970]. Сармато-аланами считал антов и другой исследователь, эмигриро-

вавший из постреволюционной России, и долгие годы проживший в США – Дзегка Зураев. В частности, он писал: «Анты, бывшие первоначально одной из аланских племенных групп, в послеаланский период выдвинулись как организаторы Антского политического союза североиранских племен» [12,226].

Утверждая, что после татаро-монгольского нашествия было положено конец существованию алан, Сулимирский вместе с тем совершенно неправ, когда пишет, что вместо алан «мы теперь встречаем названия современных народов Северного Кавказа, которые, очевидно, произошли от аланов» [4,181].

В состав Аланской государственности до разгрома ее татаро-монголами входили и местные кавказские племена, со своей самобытной культурой, которыми поддерживались тесные культурно-исторические взаимоотношения. О духовном сближении разноязычного Кавказа с господствующим племенем – аланами свидетельствует распространение аланского Нартского эпоса на соседние коренные народы, и возникновение национальных версии эпоса.

Сулимирский неправ, считая, что названия современных народов Северного Кавказа произошли от алан, упоминание о которых, после разгрома Алании монголо-татарами, исчезло из исторических источников. Культурно-исторические взаимовлияния проживавших по соседству, и тем более в одном политическом объединении племен вполне естественны. Влияние алан на местные автохтоны, безусловно, имело место. Однако кавказские народы сохранили свои традиционные самоназвания, не растеряли этническую самоидентификацию, хотя часть алан растворилась в их среде. Неверно также утверждение ученого, будто аланские племена пришли на Кавказ в IV веке н.э. [4,180]. После известной войны 49 г., о которой мы говорили выше,

происходит активная миграция аорсов в Центральное и Северо-восточное Предкавказье. В последние годы в плоскостной части Северной Осетии (Владикавказская равнина) археологами раскопаны крупные аланские поселения в селениях Брут и Зильга, датированные II-IV вв.н.э. [13]. Для всех захоронений свойственен «катакомбный обряд погребения, совершенно несвойственный кавказскому субстратному населению и характерный для сармато-алан» [14,55]. Как установлено археологами, раннеаланские катакомбные могильники первых четырех веков нашей эры имеют место на территории Северной Осетии [14,50-61]. Кроме того о присутствии алан до IV в. в предгорьях Центрального Предкавказья свидетельствуют совершенные аланами походы в Закавказье в 35 г., 72 г., 135 г. н.э.

Сулимирский утверждает, что аланы «покорили местные племена неиранского происхождения и жили с ними бок о бок в одних и тех же деревнях, хотя и хоронили своих мертвых на отдельных кладбищах. Это тесное взаимодействие затронуло обе культуры, но, в конце концов, аланы растворились среди местного населения, которое, по-видимому, превосходило их количеством» [4,180]. Это мнение входит в явное противоречие с его предыдущим предположением, в котором со ссылкой на Аммиана Марцеллина говорилось, что «Множество их побед привело к тому, что они постепенно поглотили все народы, которые им встречались, и их имя распространилась на них на всех» [4,127].

Далее. В резолюции Всесоюзной сессии 1966 года посвященной этногенезу осетинского народа говорилось: «Участники сессии пришли к выводу об участии в этногенезе осетин двух основных компонентов – скифо-сармато-аланского и кавказского. Вместе с тем, было призвано целесообразным усилить в дальнейшем работу по выяснению места каждого из этих элементов в различных аспектах

этнической культуры осетин» [15,326]. Однако, за прошедшие 50 лет так называемый «кавказский компонент» никем так и не был выявлен. Вполне возможно, что это были наследники Кобанской культуры, которые спустя 500 или более лет после того, как сошли с исторической арены, были завоеваны аланами. Но эта версия выглядит крайне неправдоподобно. И в продолжение вышесказанного, стоит отметить, что как показали археологические раскопки в предгорных районах Центрального Предкавказья, все выявленные погребения были сплошь катакомбного типа. Нигде в указанном регионе не обнаружено не только кладбища с другим, не катакомбным типом захоронений, но и отдельных захоронений другого типа, что свидетельствует об однородности населения в поселениях.

Конечно же, между разноязычными племенами всегда происходили ассимиляционные процессы. К примеру, асы, ясы – этническая группа осетин в Венгрии – в значительной степени были ассимилированы венграми. Еще в XVII в. они полностью утратили свой язык и перешли на венгерский. Однако в случае с кавказскими аланами эти процессы проходили следующим образом. В западном и восточном регионах Предкавказья они завершились ассимиляцией алан среди местного населения. Что касается центральной части Предкавказья (приблизительно соответствующей нынешней горной Северной Осетии), то здесь процесс взаимодействия алан с местными племенами привел к ассимиляции последних в аланской среде, насаждения аланами своего языка и во многом своей культуры. Иранский элемент оказался

сильнее по причине того, что перевалы Центрального Кавказа издавна служили местом прохода скифо-сарматских племен, часть которых оседала в ущельях. Возможно, что местное население было иранизированно и готово к слиянию с аланами. Вот как об этом пишет Сулимирский. «...область изначальной аланской культуры существенно сжалась вследствие постепенного культурного слияния аланов с местным населением. Сначала исчезли восточная и западная оконечности, и, наконец, осталась лишь область, ограниченная северными предгорьями Центрального региона. Но страна все еще была известна как Алания, и аланы часто упоминались в хрониках» [4,181].

В целом же конечно, монография Сулимирского «Сарматы. Древний народ юга России» оставляет положительное впечатление. Работа эта носила больше познавательный характер, была рассчитана на широкий круг интересантов, но никак не преследовала целью детальное изучение и скрупулезное исследование тысячелетней истории многочисленных конфедераций сарматских племен на огромных евразийских просторах, на пространстве от вод Атлантики до Японского моря. Такую цель автор перед собой и не ставил. Эта книга является научно-аргументированным исследованием, безусловно, ценным, с богатым иллюстративным материалом, который базируется на данных археологии и письменных источников. Книга, в которой ученый вполне доступным и приемлемым языком рассказал об исторических судьбах ираноязычных племен на юге России.

1. *Нефёдкин А.К.* Рецензия: Brzezinski R., Mielczarek M. The Sarmatians, 600 BC - AD 450. Oxford, 2002 // *Para bellum*. № 2(18). 2003. С. 101-106.
2. *Schmoeckel Reinhard*. Sarmaten: Unbekannte Väter Europas. Herstellung und Verlag, Norderstedt, 2013.
3. *Istváanovits Eszter, Kulcsár Valéria*. Sarmatians – History and Archaeology of a Forgotten People. (Series: Romisch Germanisches Zentralmuseum). Schnell Und Steiner, 2017. Band 123.
4. *Сулимирский Т.* Сарматы. Древний народ юга России / Пер. с англ. Т.В. Китайной. М., 2010.
5. *Кардини Ф.* Истоки средневекового рыцарства. М., 1987.
6. *Кузнецов В.А.* Очерки истории алан. Владикавказ, 1992.
7. *Бахрах Б.* Аланы на Западе (от первого их упоминания в античных источниках до периода раннего средневековья). М., 1993.
8. *Смирнов К.Ф.* Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984.
9. *Ростовцев В.И.* Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. М., 2012.
10. Анты. Советская Историческая Энциклопедия. М., 1961. Т. 1.
11. Письменные источники по истории древних славян. Всемирная история. М., 1956. Т. 2.
12. *Зураев Ф.А.* Северные иранцы Восточной Европы и Северного Кавказа. Владикавказ: Терские Ведомости, 2014.
13. *Дзуцев Ф.С.* Беслановский археологический комплекс раннеаланской эпохи. Владикавказ, 2015.
14. *Кузнецов В.А.* Аланы и Кавказ. Осетинская эпопея обретения родины, М., 2014.
15. Происхождение осетинского народа. Материалы научной сессии, посвященной проблеме этногенеза осетинского народа. Орджоникидзе, 1967.